

КНИЖКИ

(РУССКОЕ СЛОВО. 1910. 16 ЯНВАРЯ. № 12)

Целые груды детских книг, пестрых, золотообрезных, заваливали прилавки книжных магазинов в продолжение целого месяца.

Теперь их нет. Они раскуплены.

Я сама купила несколько таких книжек для подарка знакомым детям.

Разве это плохо – подарить милым деткам интересные книжечки?

Разве за это нужно человека наказывать?

А судьба меня наказала.

Судьба очень хитро устроила для меня длинный пустой вечер, в продолжение которого я оставалась одна, без книг, без газет и без чернил.

Затем послала ночную бессонницу.

И, видя, что я готова наложить на себя руки, – подсунула мне милые книжки, купленные мною для добрых детей.

Первой попалась мне книжка «для подростков», предназначавшаяся для четырнадцатилетней племянницы.

На переплете изображена была очаровательная девица, нюхающая золотой цветок.

Я стала читать прямо с середины:

«Валерьян Николаевич вальсировал с Лидой, и Вера, глядя на подругу, завидовала ее тонкой талии...»

Переворачиваю страницу:

«Валерьян Николаевич вальсировал с Верой, у которой талия была еще тоньше, чем у Лиды. Клара и Лида стояли у стены и ревновали Валерьяна Николаевича».

Переворачиваю две страницы:

«Валерьян Николаевич вальсировал с Людмилой Петровной, и все воспитанницы следили глазами за любимым учителем и грациозной фигурой классной дамы...»

Закрываю книгу и долго смотрю на символический рисунок ее обложки: девица и золотой цветок.

Теперь я знаю: золотой цветок – это вальсирующий учитель Валерьян Николаевич.

Мне жаль оставить девочку без подарка, но при мысли о том, как она будет читать о похождениях Валерьяна Николаевича, я испытываю острые угрызения совести. Но жалко переплета. И роза позолоченная... О, будь ты проклят, вальсирующий учитель!

Откладываю в сторону книгу «для подростков» и беру рассказ для детей младшего возраста.

«Маленькая Соня была очень сластолюбива. Я расскажу вам подробно об ее сластолюбии, и как оно было наказано».

В соседней комнате слышится шорох. Я вздрагиваю и прячу книгу. Мне стыдно. Я боюсь, что кто-нибудь застанет меня за описанием Сониной сластолюбия.

Но все тихо, и я читаю дальше.

«Однажды ее мама купила целый ящик вкусных пряников...»

Слава Богу! Все кончается благополучно. Сластилюбивая Соня объелась и чуть не умерла».

Это хорошая книжка. Пусть дети с пеленок воьбьют себе в голову, что сластолюбие их будет наказано. Это очень хорошо.

Беру вторую книжку для маленьких.

«Злой Фриц был наказан. Его оставили без обеда. И в то время, как его хорошие сестры и братья ели вкусные говяжьи соусы, Фриц принужден был довольствоваться чашкой шоколада и печеным яблоком».

Перечитываю еще и еще раз.

Возмущаюсь сознательной подлостью автора.

Скверный мальчишка, злой Фриц получает вместо всякой дряни, которую так ненавидят дети (говяжьи соусы!), чашку, целую чашку чудного шоколада. И это не в именины и не на Новый год, а просто так, здорово живешь, за то, что шалил и безобразничал. А хорошие, хорошие братцы и сестрицы давятся говяжьими соусами и остро завидуют мошеннику, уплетающему праздничное угощение.

Сатанинским хохотом потрясается вся эта безобразная картина.

Как испугаются маленькие дети, прочтя эту дьявольскую повесть. Как робко будут переспрашивать:

– Злому Фрицу яблоко? Злому Фрицу шоколад? А хорошим ничего?

И слышу, как ответит нянька:

– А на что хорошему шоколад? Хороший и так хорош.

Это старая книга. Я помню ее. Я ее читала, когда была маленькой. И не скажу, чтобы это сошло мне с рук благополучно.

Сколько поколений воспитывала она с тех пор, эта милая честная книжка.

В скверные минуты жизни, когда чувствуешь себя ободенной и обиженной, преданной близкими и поруганной далекими, как нужно вспомнить тогда о злом Фрице!

– Эге! – подумаешь. – А ведь я, кажется, начинаю вкушать от говяжьих соусов! А ведь я тоже могла бы довольствоваться печеным яблоком и чашкой шоколада. Да, и я тоже.

И от одного сознания своего аппетита приобретаешь Фрицову шоколаду.

Хорошая книжка.

А вот еще одна. Последняя.

«Добрый маленький Карл совершил тысячи подвигов. Раздал бедным имущество своих родителей (наверное, его за это высекли!), спас из пламени целую семью старух, и все съестные припасы, перепавшие на его долю, отдавал бедному Иогану, больному сыну нашего соседа».

Казалось бы, за эти подвиги облагодетельствованное им человечество должно было отблагодарить его по-царски.

Да? Не тут-то было.

Автор ничего придумать не мог.

«И с тех пор, когда благодарные горожане встречали на улице маленького Карла, они говорили друг другу, указывая на него:

– Вот идет наш добрый маленький Карл».

Только и всего.

«Наш добрый маленький Карл!»

Вот какими «говяжьими соусами» оцениваются подвиги во имя любви к человечеству!

Отдавайте душу и тело, тащите все, что у вас есть, больному идиоту, «сыну вашего соседа», жертвуйте собой за скверных старух, – и тогда в награду за все один дурак будет другому тыкать на вас пальцем.

Эта книжка мне очень понравилась.

На другой же день я купила ее в трех экземплярах и разослала знакомым детям.

А одну оставила себе, никому не дам.

Читаю сама*.

* К теме детских книжек, почти буквально повторяя пассажи про говяжьи соусы, маленького героя и сластолюбивую Соню, Тэффи обращалась еще как минимум дважды: в фельетонах «Нравоучительные книжки» (Русское слово. 1909. 31 мая. № 123) и «Предпраздничное» (сборник «Человекообразные. Юмористические рассказы. Книга вторая»). Первый из них Тэффи заканчивает словами, что сама придумала нравоучительную книжку для взрослых: «Один мужичок сделал очень много добрых дел, и его за это высекли. Но это только вчера. Детали еще не разработаны. Главное – соблазнить человека на добродетель. А уж потом справиться с ним нетрудно».